

Письма В.А. Жуковского къ великой княгинѣ Александрѣ Теодоровнѣ изъ перваго его заграничнаго путешествія въ 1821 году¹⁾.

4 ²⁾.

(Штутгартъ, 2-го (14-го) октября—Франк-
фуртъ на Майнѣ, 7-го (19-го) октября 1821).
Штутгартъ, 14-го октября и. с.

покинулъ Швейцарію и теперь въ Штутгартѣ. Мое долгое молчаніе могло заставить подумать ваше императорское высочество, что я сорвался съ какого-нибудь утеса и разбился въ дребезги или что я сижу въ трещинѣ какого-нибудь глетшера—но эти бѣды миновали меня. Писать же во время путешествія было для меня невозможно. Усталость—(почти всю дорогу или по крайней мѣрѣ двѣ трети моей дороги по Швейцаріи сдѣлалъ я пѣшкомъ)—была главнымъ моимъ препятствіемъ; я не хотѣлъ писать наскоро и урывками и рѣшился отложить свой отчетъ вашему высочеству до перваго мѣста, въ которомъ могъ пробыть нѣсколько дней на просторѣ. Съ этою надеждою пріѣхалъ я въ Штутгартъ, гдѣ думалъ остаться дней пять или шесть, чтобы короче познакомиться съ картинами Voissereé³⁾ и между тѣмъ описать вашему вы-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, ноябрь 1901 г.

²⁾ Извлеченія изъ этого письма первоначально были напечатаны въ Сочиненіяхъ въ прозѣ В. Жуковского, изданіе второе, Спб. 1826, стр. 221—242, подъ заглавіемъ „Отрывки изъ письма о Швейцаріи“ (см. въ Сочиненіяхъ Жуковского, изд. 8-е, т. V, стр. 449—461).

³⁾ Братья Буассере (Voissereé), Сюльписъ (р. 1783 † 1854) и Мельхиоръ (р. 1786 † 1851), извѣстные своими трудами по исторіи искусствъ, обладали драгоцѣнною картинною галлереею, особенно богатою картинами нѣмецкой школы. Въ 1827 году ихъ собраніе было куплено баварскимъ королемъ Лудвигомъ I и въ настоящее время находится въ Мюнхенской Пинакотекѣ.

сочеству подробно нѣкоторую часть дорожныхъ моихъ приключеній. Но судьба располагаетъ нами по своему. Я уже десятый день въ Штутгардѣ ¹⁾ и боленъ; теперь оправляюсь; надѣюсь дни черезъ два пуститься опять въ дорогу; но отъ подробнаго описанія, отъ котораго столько общалъ себя удовольствія, долженъ отказаться; нѣсколько разъ принимался за перо, начиналъ писать и разрывалъ начатое. Болѣзнь какъ будто затуманила прошедшее; что было такъ живо въ настоящемъ, то сдѣлалось мертвымъ въ воспоминаніи: надобно дать ожить душѣ, чтобы говорить съ вѣрностію и наслажденіемъ о томъ, что ее животворило и радовало. Это время для меня придетъ, и удовольствіе представить вашему высочеству полный отчетъ оставляю для себя впереди, какъ веселую надежду. Теперь, по крайней мѣрѣ, какъ удастся, скажу вашему высочеству о томъ, гдѣ я былъ съ той минуты, которою оканчивается мое первое письмо.

Начну изъясненіемъ глубочайшей, сердечной благодарности: по возвращеніи моемъ въ Цюрихъ, я имѣлъ счастье получить милостивое письмо вашего высочества: можете вообразить, какъ я ему обрадовался, ибо вашему высочеству извѣстно, сколь драгоценны для меня ваши милости. Скоро поѣду по слѣдамъ вашимъ и увижу тѣ мѣста, о которыхъ вы упоминаете въ письмѣ своемъ. Если бы моя болѣзнь еще нѣсколько дней продолжилась, то я совершенно бы отказался отъ Рейна; теперь надѣюсь его увидѣть, но уже многое надобно выбросить изъ своего плана. Какіе прелестные осенніе дни были во все время моей болѣзни! Какъ бы я наслаждался ими на берегахъ Рейна! Но я не ропщу на эту потерю—я слишкомъ былъ счастливъ во все мое путешествіе по Швейцаріи.

Изъ Дрездена, черезъ Кульмъ, Теплицъ и Прагу, поѣхалъ я въ Карлсбадъ, гдѣ пробылъ долѣе, нежели сколько располагалъ: я хотѣлъ дожидаться въ Карлсбадѣ нѣкоторыхъ петербургскихъ друзей; потомъ пріѣхалъ его высочество великій князь ²⁾, и ему угодно было остановить меня на нѣсколько дней. Но эта пріятная остановка послужила мнѣ къ добру; я какъ будто переждалъ дурную погоду въ Карлсбадѣ, и въ Эгрѣ она рѣшительно со мною разсталась: всѣ лѣтніе мѣсяцы и весь сентябрь были дождливые, но для меня дожда не было, онъ шелъ, когда я сидѣлъ подъ кровлею, и переставалъ, какъ скоро я пускался въ путь: природа не скрыла себя отъ своего поѣта. Изъ Эгры, осмотрѣвъ все то, что служить памятникомъ Валленштейна ³⁾, черезъ Вейссенштатъ и живо-

¹⁾ Въ Штутгардѣ Жуковскій пріѣхалъ 21-го сентября (3-го октября) и пробылъ тамъ до 4-го (16-го) октября.

²⁾ Великій князь Михаилъ Павловичъ (см. „Русскую Старину“ 1901 г., ноябрь, стр. 400).

³⁾ Какъ извѣстно, Валленштейнъ былъ убитъ въ г. Эгерѣ (Eger) въ ночь съ 25-го на 26-е февраля и. ст. 1634 года.

писный замокъ Бернекъ, поѣхалъ я въ Барейтъ ¹⁾, гдѣ пробылъ день, чтобы познакомиться съ J. Paul ²⁾; я провелъ съ нимъ нѣсколько пріятныхъ минутъ: забавный оригиналъ, который понравился мнѣ своимъ простодушіемъ. Въ Ниренбергѣ пробылъ я дни три; его древности весьма привлекательны; я поклонился праху Албрехта Дюрера ³⁾, осмотрѣлъ старинный замокъ императоровъ, ратушу, ея подземныя тюрьмы и нѣсколько прекрасныхъ готическихъ церквей. Картины нѣмецкой школы, которыя видѣлъ я въ замкѣ и въ нѣкоторыхъ частныхъ галереяхъ, заставили меня переимѣнить нѣсколько мой планъ и завернуть въ Минхенъ, чтобы осмотрѣть тамошнюю богатую галерею. Кто ея не видалъ, тотъ не имѣетъ понятія о Рубенсѣ. Она богата картинами италіанской школы, но еще болѣе фламандской и нѣмецкой. Послѣдними наполненъ замокъ Шлейзгеймъ, находящійся въ милѣ отъ Минхена. Изъ Ульма, осмотрѣвъ каедральную церковь, великолѣпный памятникъ готической архитектуры, отправился я черезъ Равенсбургъ, Вальдэе и Штадель въ Мерсбургъ на берегъ Констанцскаго озера. На другой день моего приѣзда, переждавъ жаркое время въ Мерсбургѣ, въ три часа пополудни, пошелъ я на берегъ, свой Stuhlwagen отправилъ на перевозномъ суднѣ прямо въ Констанцъ, а самъ въ маленькой лодкѣ поѣхалъ на островъ Мейвау, находящійся въ сѣверномъ заливѣ озера. Время было ясное, но зной еще не миновался; скоро повѣялъ попутный вѣтеръ, гребцы подняли парусъ и положили весла; лодка плыла безъ движенія, и я, сидя подъ тѣнію паруса, видѣлъ передъ собою великолѣпное зрѣлище: у меня передъ глазами была какъ будто въ сокращеніи вся Швейцарія; я видѣлъ вдругъ три кантона ея: Тургау, Аппенцель и С(анктъ)-Галленъ; на берегахъ, которые отсюда полугорю сходили къ равнинѣ озера, было разсыпано безчисленное множество селъ, замковъ, домовъ, рощей, пажитей и садовъ; берега кантона Тургау, прелестные своимъ изобиліемъ, были плоски; надъ Аппенцелемъ и С(анктъ)-Галленомъ подымались Альпы; но прелестнѣйшую картину представляло само озеро; нельзя изобразить словами тѣхъ безчисленныхъ оттѣнковъ, въ которыхъ является его поверхность, измѣняющаяся при всякомъ колыханіи, при всякомъ вѣтерѣ, при всякомъ налетающемъ на солнце облакѣ; когда озеро спокойно, видишь жидкую, тихотрепещущую бирюзу; кое-гдѣ виолетовыя полосы, а на самомъ отдаленіи яркой, свѣтлозеленый отливъ; когда воды наморщатся, то глубина этихъ морщинъ кажется изумрудно-зеленою, а по ребрамъ ихъ голубая пѣна съ яркими искрами и звѣздами; когда же облако закроетъ солнце, то воды, смотря по цвѣту облака, или блѣднѣютъ, или

¹⁾ Т. е. въ Байрейтъ (Bayreuth).

²⁾ Съ знаменитымъ писателемъ Жанъ-Полемъ Рихтеромъ (р. 1763 †1825).

³⁾ Живописецъ и граверъ Альбрехтъ Дюреръ умеръ въ Нюренбергѣ въ 1528 году.

синѣютъ, или кажутся дымными.—Плаванье мое продолжалось часъ съ четвертью. Мейнау есть маленькой островокъ, покрытый виноградниками, огородами и рощами; нѣкогда принадлежалъ онъ Мальтійскому ордену, а теперь въ замкѣ командора живетъ старая вдова съ прекрасною дочерью, и эта пустынная красавица показывала мнѣ пустынные горницы замка; въ немъ однѣ голыя стѣны, но видъ съ балкона несравненный: я просидѣлъ на немъ около часа. Жаръ между тѣмъ миновался; я взялъ проводника и пошелъ пѣшкомъ въ Констанцъ: Мейнау соединенъ съ берегомъ узкимъ мостикомъ, сдѣланнымъ для однихъ пѣшеходовъ. Дорога отъ него до Констанца довольно пріятная: идешь по большей части лѣсомъ, который часто раскрывается, и тогда по сторонамъ представлялись глазамъ моимъ поля и пажити, освѣщенные заходящимъ солнцемъ.—Констанцъ городъ некрасивый и неоживленной. Я осмотрѣлъ въ немъ нѣкоторыя зданія, достойныя примѣчанія. Дряхлая деревянная палата, въ которой были засѣданія Констанцскаго собора, обезславившаго себя убійствомъ Гусса, есть не иное что, какъ сарай въ 80 шаговъ длины и въ 40 ширины: онъ служитъ теперь магазиномъ для складки товаровъ во время ярмарки. Въ одномъ углу этой палаты на небольшомъ возвышеніи стоятъ два стула, на которыхъ во время собраний сидѣли императоръ и папа: оба весьма скромные, но императорскій выше папскаго, и рядомъ съ ними (въ доказательство, сколь правосудно время) лежитъ кузовъ той повозки, въ которой несчастный Гуссъ отвезенъ былъ на мѣсто казни: посѣтитель смотритъ на нее съ большимъ чувствомъ и уваженіемъ, нежели на истлѣвшій скелетъ императорскаго трона. Доминиканской монастырь, въ которомъ былъ взятъ и заключенъ въ темницу Гуссъ, огромное готическое зданіе, есть не иное что, какъ огромная развалина; кельи монаховъ обращены въ ситцевую фабрику; болѣе всего сохранилась Гуссова тюрьма: маленькой чуланъ со сводомъ въ три шага длины и ширины; но церковь вся въ разрушеніи; кое-гдѣ на стѣнахъ видны остатки живописи; кровля упала; три ряда высокихъ столбовъ ничего не поддерживаютъ; на мѣстѣ одного изъ боковыхъ алтарей построено стойло; но одно разрушенное окно служитъ рамою прекраснаго ландшафта; въ немъ разцвѣла молодая береза; легкой вѣтеръ, едва нарушая тишину развалинъ, колебалъ ея вѣтвями, и сквозь ихъ подвижную рѣшетку видно было озеро и отдаленные свѣтлые берега его. Вечеръ этого дня провелъ я на колокольнѣ каеедральной церкви и видѣлъ удивительную картину заходящаго солнца. Но мои описанія, какъ я замѣчаю, становятся слишкомъ длинные; прошу у вашего высочества прощенья: je n'ai pas le temps d'être plus court ¹⁾! Но постараюсь поубавить своей болтливости. Изъ Констанца черезъ

¹⁾ Т. е. я не имѣю времени быть болѣе краткимъ.

Фрауенфельдъ и Винтертуръ поѣхалъ я въ Цирихъ, гдѣ пробылъ нѣсколько дней. Отсюда по настоящему начинается мое швейцарское путешествіе. Докторъ Эбель ¹⁾, съ которымъ я познакомился, оракулъ всѣхъ, посѣщающихъ Швейцарію, далъ мнѣ нѣсколько нужныхъ совѣтовъ, и я, нанявши проводника (мнѣ достался тотъ самый, котораго имѣлъ въ своемъ путешествіи кронпринцъ) и оставивъ весь свой багажъ въ Цирихѣ, пустился въ путь 3-го августа н. с. рано поутру. Завернувъ на высоту Альбиса (съ которой обширный видъ на Цирихское и Цугское озеро), доѣхалъ я съ фурманомъ до Цуга; здѣсь сѣлъ на лодку и предестнымъ озеромъ Цугскимъ переплылъ въ Артъ, откуда, вооружившись длинною альпійскою палкою, поѣхъ по крутому всходу на высоту Риги. Это путешествіе продолжалось болѣе трехъ часовъ, весьма затруднительныхъ. На высотѣ я засталъ захожденіе солнца, и хотя облака покрывали небо, но зрѣлище, которое видѣлъ я, было великолѣпно: я ночевалъ въ трактирѣ на Rigi-Staffel и на другой день всходилъ на самую вершину горы (Rigi-Kulm), чтобы видѣть первую минуту солнечнаго восхожденія. Обѣ картины были такъ плѣнительны, что, покидая вершину Риги, я общался опять навѣстить ее на обратномъ пути своемъ. Я спустился внизъ тою же дорогою, по которой взошелъ, потомъ поворотилъ вправо и мимо ужасныхъ развалинъ горы, задавившей десять лѣтъ тому назадъ предестную деревню Goldau, пошелъ къ деревенкѣ Ловерцъ, полуразрушенной тѣмъ же паденіемъ, переплылъ маленькое Ловерцское озеро, посреди котораго уединенно цвѣтетъ зеленый островокъ Schwanau, и къ вечеру очутился въ Швицѣ, въ очаровательной долинѣ, полной жизни и изобилія и отсюда окруженной великолѣпными горами. Слѣдующій день былъ одинъ изъ самыхъ утомительныхъ дней моего пѣшеходства. Я всталъ вмѣстѣ съ солнцемъ, но утро было душное. Дурными, вымощенными крупнымъ камнемъ дорожками пошелъ я черезъ Steinen (мѣсто рожденія Штауффахера; тамъ, гдѣ стоялъ его домъ, построена теперь часовня) къ Моргартену, гдѣ была одержана первая побѣда свободы швейцарской ²⁾. И на этомъ мѣстѣ стоитъ часовня. Отсюда черезъ Sattel и Rothenthurm въ Einsiedeln. Зной былъ несносный; дорога по камнямъ убійственная для ногъ; пришедъ въ Ейнзидельнъ, я почти ничего не могъ порядочно осмотрѣть отъ разслабленія; отдыхать же было некогда; надобно было засвѣтло воротиться въ Швицъ, ибо обратный путь шелъ черезъ крутую

¹⁾ Иоганнъ-Готфридъ Эбель (Ebel, р. 1764 † 1830, въ Цюрихѣ), кромѣ того, что былъ докторомъ, извѣстенъ еще нѣсколькими сочиненіями по географіи Швейцаріи.

²⁾ При Моргартенѣ швейцарцы одержали 16-го ноября 1315 года побѣду надъ герцогомъ Леопольдомъ Австрійскимъ.

гору Haggen ¹⁾). Признаюсь, Ейнзидельнъ не имѣлъ для меня ничего привлекательнаго: положеніе монастыря не живописное; я видѣлъ богатую церковь, толпу богомольцевъ и процессію монаховъ, но усталость и боль въ ногахъ мѣшали моему вниманію. Но конецъ этого дня заплатилъ за неприятное начало его: возвратный путь черезъ зеленую долину Alpthal, всходъ на Haggen и потомъ спускъ по крутизнамъ при блескѣ начинающейся грозы въ долину Швица останутся навсегда въ моей памяти. Гроза только украсила для меня ночную картину горъ, которыя чудесно являлись и исчезали при быстромъ блистаніи молній: она началась не прежде во всей своей силѣ, какъ по возвращеніи моемъ въ трактиръ. Я думалъ, что на другой день ноги откажутся мнѣ служить, но проснулся свѣжъ и здоровъ и, напившись кофе, пошелъ въ Брунненъ, тамъ сѣлъ въ лодку и поплылъ къ Grütli, восхищаясь дикимъ величіемъ, окружающимъ озеро Четырехъ Кантоновъ, самое живописное изъ всѣхъ озеръ швейцарскихъ: Grütli есть маленькая, покрытая зеленымъ дерномъ площадка, до которой въ десять минутъ можно достигнуть; на ней нѣтъ памятника, но свобода Швейцаріи еще существуетъ! Это мѣсто удивительно трогаетъ своею тихою прелестію посреди грознаго величія окружающихъ его утесовъ. Я не могъ на немъ долго остаться: гребцы предвидѣли грозу, и надобно было спѣшить, дабы предупредить южный вѣтеръ (Föhn), который обыкновенно здѣсь начинается по полудни и бываетъ часто опасенъ въ этой части озера, окруженнаго здѣсь крутыми берегами, къ которымъ нигдѣ пристать невозможно. Мы поплыли къ Телевой часовнѣ (Tellsplatte), а оттуда къ деревнѣ Flüelen. Гроза началась, когда я пришелъ въ Альторфъ, и кончилась къ концу моего обѣда, послѣ котораго я ходилъ въ Бюргленъ, мѣсто рожденія Теля. Тамъ нашелъ я живописца Триннера ²⁾, который не великій артистъ, но который былъ для меня интересенъ тѣмъ, что могъ рассказывать, какъ очевидецъ, о Суворовѣ, котораго онъ видѣлъ въ этомъ мѣстѣ. Изъ оконъ башни, обросшей плющемъ, въ которой живетъ Триннеръ, взглянулъ я на вершину Кинцингульма ³⁾, доступную только горнымъ пастухамъ, черезъ которую нашъ Аннибалъ перевелъ свое войско, томимое голодомъ, но не побѣжденное. Der Alte war doch lustig (сказалъ мнѣ Триннеръ). Er piff, und sang, und lachte, und sprang wie ein Kind ⁴⁾. Мѣсто, гдѣ жилъ Вильгельмъ Тель, означено часовнею. Этотъ обычай строить вмѣсто великолѣпныхъ памятниковъ скромные алтари благодарности Богу на мѣстахъ славы отечественной трогаетъ и возвышаетъ душу. Но та-

¹⁾ Т. е. Hacken.

²⁾ Живописецъ Триннеръ (Triner) родился въ 1760, а умеръ въ 1824 году.

³⁾ Т. е. Kinzigkultm.

⁴⁾ Т. е. А старикъ былъ весельчакъ: онъ свистѣлъ и пѣлъ, смѣялся и скакалъ, какъ дитя.

кого рода памятники особенно приличны Швейцаріи. Въ пустыняхъ Египта можно дивиться пирамидамъ и обелискамъ—что бы они были у подошвы Альповъ! За то на вершинѣ Риги стоитъ простой деревянной крестъ, а маленькая часовня Теля таится между огромными утесами; но они не исчезаютъ посреди этихъ громадъ, ибо говорятъ не о бѣдномъ могуществѣ человѣка, здѣсь столь ничтожномъ, но о величіи души человѣческой, о вѣрѣ, которая возноситъ ее туда, куда не могутъ достигнуть горы.—Вечеръ этого дня провелъ я на балконѣ загороднаго дома, принадлежащаго какому-то Муггейму, и видѣлъ передъ собою всю равнину Альторфа, за которую уже начинаются первобытныя горы: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сверкала Рейсса, которая, извиваясь по этой равнинѣ, тихо впадаетъ въ озеро 4 кантоновъ и потомъ быстро вытекаетъ изъ него подъ Люцерномъ. Къ концу слѣдующаго дня былъ я уже въ Андерматѣ у подошвы С.-Готара; до Амстега можно еще ѣхать въ *char à banc(s)*, но отсюда надобно итти пѣшкомъ. Въ два дни моего путешествія черезъ С.-Готаръ видѣлъ я природу во всѣхъ ея измѣненіяхъ: близъ Альторфа всѣ горы зелены, но это печальная, однообразная зелень елей и сосенъ, надъ которою въ разныхъ мѣстахъ блистаетъ свѣтлая зелень горныхъ пажитей; Рейсса еще спокойна; у Амстега все становится мрачнѣе, горы круче, ели рѣже, скалы виднѣе, дорога вѣтся надъ пропастями, въ которыхъ Рейсса, то видимая, то невидимая, шумитъ, образуя безпрестанные каскады; когда я шелъ, небо было туманно, вершины горъ, исчезая въ темныхъ облакахъ, казались безконечными, но изрѣдка проглядывало солнце и на минуту зажигало быстрыя волны и пѣну Рейссы. Чѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ разительнѣе дикость; наконецъ у *Gestinen* ¹⁾ исчезаетъ растеніе; видишь одни утесы, покрытые изрѣдка мохомъ и травой, видишь, какъ время разрушаетъ ихъ мало по малу зноемъ, холодомъ, дождемъ, морозомъ и бурями: камни, безпрестанно отваливающіеся, лежатъ повсюду живописными грудами, и эта долина камней становится наконецъ столь узкою, что одна только Рейсса, падающая шумнымъ каскадомъ, занимаетъ ея дно: поперегъ этой долины, надъ самымъ каскадомъ, изгибается Чортвъ мостъ; къ нему съ одной стороны ведетъ узкая дорожка, до половины выдолбленная въ утесахъ, до половины поддерживаемая каменными сводами; съ другой стороны почти такая же узкая дорожка, подымаясь отъ него, упирается въ скалу, которую пробилъ насквозь промышленность человѣческая: глазамъ представляется темное отверстіе, какъ будто ведущее въ глубокую бездну. Но что же?... Мое счастье и здѣсь меня не покинуло! Солнце выглянуло изъ тучъ и ударило на прелестный Андерматъ въ самую ту минуту, какъ я выходилъ изъ

¹⁾ Т. е. Geschenen.

подъ Урнерскаго свода. Ничто не можетъ быть очаровательнѣе этой противоположности: вдругъ, послѣ густаго мрака пещеры, видишь свѣтлую, окруженную зелеными холмами долину, и въ глубинѣ ея веселая деревня. Зрѣніе обмануто, думаешь, что передъ тобою низкіе дерновые пригорки, но эти пригорки не иное что, какъ вершины высокихъ горъ, окружающія скрытую межъ ними долину и близкія къ снѣжной вершинѣ С.-Готара. Я ночевалъ въ Андерматтѣ, который черезъ минуту послѣ моего прихода исчезъ въ туманѣ: пошелъ дождь, смѣшанный съ снѣгомъ, но къ утру все миновалось; осталась одна клубящаяся мгла надъ высотами, и, окруженный ею, взошелъ я на вершину С.-Готарской дороги: неописанное зрѣлище природы, которой здѣсь нѣтъ имени, ибо здѣсь оно ни съ чѣмъ знакомымъ не сходствуетъ! Кажется, что стояшь на такомъ мѣстѣ, гдѣ кончится земля и начинается небо; передъ тобою равнина, вымощенная огромными, голыми плитами гранита; кругомъ низкіе холмы, но уже не зеленые, ибо здѣсь и трава исчезаетъ, а снѣжные или просто нагіе растреснутые утесы; съ одной стороны маленькое, свѣтлое озеро, не болѣе дождевой лужи, изъ него тихо бѣжить ручей; съ другой стороны такое же озеро и такой же тихой ручей: это Тессинъ и Рейсса; здѣсь они навсегда разлучаются, отсюда бѣгутъ одинъ на югъ, другая на сѣверъ, и въ быстромъ теченіи разрываютъ гранитныя горы. И съ этого мѣста начинаешь быстро спускаться къ Айроло, имѣя вправѣ шумный Тессинъ, который скоро является во всемъ своемъ могуществѣ и наконецъ близъ самаго Айроло образуетъ каскадъ, удивительно живописный. На самой вершинѣ уже увидѣлъ я споръ свѣтлаго юга съ угрюмымъ сѣверомъ: со стороны Италіи проглядывало голубое небо, со стороны Рейссы клубились туманныя облака; и небо сдѣлалось ярко-голубымъ, когда я, спустившись къ Айроло, вдругъ очутился посреди роскошной италіанской природы. Уже близъ Айроло ели и сосны становятся рѣже: ихъ мѣсто занимаютъ буки, орѣховыя деревья, потомъ каштаны, и наконецъ передъ глазами очаровательная Левантинская долина, посреди которой шумитъ Тессинъ въ тѣни зеленыхъ ольхъ, оживленная селами, церквями, замками, уже имѣющими характеръ италіанскій; я не долго отдыхалъ въ Айроло, ибо надобно было засвѣтло дойти до Aldazio grande, чтобъ видѣть чудесный мостъ черезъ Тессинъ и ночевать потомъ въ Faido. Этотъ вечеръ принадлежитъ къ прелестнѣйшимъ въ жизни: какое разнообразіе въ зрѣлищахъ! какое удивительное захожденіе солнца! По настоящему солнцу посреди высокихъ горъ не всходитъ и не заходитъ для глазъ. Оно еще высоко на небѣ, а для тебя уже его нѣтъ! Но чудесно освѣщенные бока долины, но утесы, которые медленно угасаютъ, долго еще говорятъ о невидимомъ: я шель долиною Левантинскою, солнце уже было за горами, но Сенъ-Готаръ весь въ огнѣ стоялъ надъ Айроло

и свѣтилъ въ долину, и съ одной стороны на половинѣ горъ, сливающихся въ одну стѣну, дѣса пылали; этотъ розовый пламень мало по малу подымался, черная тѣнь бѣжала за нимъ изъ долины, наконецъ осталась одна свѣтлая полоса, словно огненная грива на хребтѣ горномъ, и та скоро исчезла, и звѣзды Италіи загорѣлись... въ какомъ прозрачномъ небѣ! съ какою неизъяснимою ясностію! Я увидѣлъ недалеко отъ Медвѣдицы прекрасную Корону и вспомнилъ вечеръ потсдамскій *)! Я шелъ совершенно одинъ, отпустивъ впередъ проводника; луны не было, мнѣ свѣтили однѣ звѣзды, и горы стояли кругомъ какъ темныя привидѣнія, одинъ Тессинъ и каскады, бѣгущіе въ него, шумѣли.—Въ Файдо, гдѣ я ночевалъ въ мерскомъ трактирѣ, кончилось на время мое пѣшеходство; я нанялъ повозку и поѣхалъ черезъ Беллинцону въ Лугано. Для путешествія пѣшкомъ время было слишкомъ знойно, а окрестныя виды, роскошныя, великолѣпныя, были все одинаковы до самыхъ береговъ Луганскаго озера. Но уже прекрасная Италія была передъ моими глазами. Правда, я не видалъ ни мартовыхъ рощъ, ни лавровъ, цвѣтущихъ на вольномъ воздухѣ, но уже природа потеряла свою швейцарскую суровость; самыя высокія горы перемѣнили форму и казались болѣе величественными, нежели огромными; прекрасная дорога вилась между каштанами и шелковицами; зеленыя деревья соединены были виноградными гирляндами; поля покрыты были маисомъ. За то и лица были не швейцарскія: привлекательное простодушіе исчезло. Изъ Беллинцоны, живописно разбросанной по холмамъ, поѣхалъ я черезъ Monte Cenero (гора, вся покрытая каштановымъ дѣсомъ) въ Лугано, гдѣ ночевалъ и откуда думалъ повернуть къ Lago Maggiore. Но мысль, что на другой день въ вечеру могу быть въ Миланѣ, взбунтовала мою голову, и на другой донѣ въ вечеру подъ голубымъ сумракомъ звѣзднаго италіанскаго неба, при яркомъ свѣтѣ луны, вѣхалъ я въ Миланѣ. Въмѣсто трехъ дней (какъ я располагалъ прежде) остался я въ немъ пять, дабы дождать[ся] открытія главнаго театра La Scala: давали Россиніеву Cenerentola, большой балетъ Jeanne d'Arc (взятый изъ Шиллеровой Jungfrau) и маленькой балетъ Донъ Кишотъ. Я слышалъ божественную музыку. La Scala великолѣпный театръ, оркестръ и пѣвцы его достойныя; но Шиллеръ былъ жестоко изуродованъ въ балетѣ, а костюмы, при всемъ своемъ великолѣпіи, не могутъ сравниться съ берлинскими. Но всѣ пять дней пребыванія моего въ Миланѣ я почти не сидѣлъ на мѣстѣ: бѣгалъ по картиннымъ галереямъ, по церквамъ, при солнцѣ и при лунѣ дивился чудесной архитектурѣ миланскаго собора, и при всемъ томъ нашелъ еще способъ видѣть Ѳедора Петро-

*) См. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 115.

веча Уварова¹⁾). Оставивъ Миланъ поутру рано, я былъ уже въ четыре часа пополудни въ Sesto на берегу Lago Maggiore; время было несравненное, и я поплылъ къ островамъ Борромейскимъ, остановился у Ароны, чтобы взглянуть на колоссальную статую Карла Борромея, потомъ при захожденіи солнца вышелъ на берегъ у Бельжирато, дабы дожидаться луны и при свѣтѣ ея пуститься къ Isola Bella. Этотъ вечеръ былъ волшебный: лунная ночь, звѣздное, безоблачное небо надъ озеромъ Итали—какое будетъ для меня наслажденіе все это подробно описывать вашему высочеству! На другой день, осмотрѣвъ Isola Bella, я заглянулъ въ Isola Madre, и признаюсь, не восхищенъ Борромейскими островами. Я бы не согласился ихъ выбрать мѣстомъ своего пребыванія: здѣсь природа убита искусствомъ! Не острова Борромейскіе, но плаваніе къ нимъ по величественнымъ водамъ Lago Maggiore восхитительно. Вечеръ этого дня провелъ я въ Domo d'Ossola, городокъ, лежащій въ великолѣпной долинѣ, и лазилъ на высокую гору, чтобъ видѣть чудесное захожденіе солнца. Отъ Домо д'Оссола начинается горная Симплонская дорога, дивный памятникъ Наполеона; но на этой дорогѣ видѣлъ я нѣчто, еще болѣе разительное, нежели сама она: я видѣлъ лежащую на ней мраморную колонну, вытесанную изъ одного камня; эта колонна была приготовлена для триумфальныхъ воротъ Наполеоновыхъ, полувоздвигнутыхъ въ Миланѣ и къ которымъ должна была примыкать дорога Симплонская! Но эта колонна лежитъ неподвижно на чудесной дорогѣ Наполеоновой, а чудесная дорога Наполеонова примыкаетъ къ развалинамъ. Весь жребій Наполеона въ одномъ мраморномъ обломкѣ.—На Симплонской дорогѣ изумляетъ могущество чело-вѣка, но природа, грозная и дикая, не столь разительна и разнообразна, какъ на Сея-Готарѣ. Виды со стороны Итали великолѣпнѣе и ужаснѣе, со стороны Швейцаріи живописнѣе. Отъ Изелы до высоты Симплонна дошелъ я пѣшкомъ; послѣ обѣда, отправивъ съ полудороги впередъ своего проводника, спустился по крутому скату Симплонна одинъ къ Брюггу²⁾ имѣя передъ глазами удивительныя картины, одушевленные заходящимъ солнцемъ. Отъ Брюгга начинается знойная Валлійская долина, дорога идетъ черезъ Туртманъ (подлѣ котораго есть достойный примѣчашія водопадъ), черезъ Siegge и Sion въ Мартиньи. Я ночевалъ въ Сіонѣ, который съ своими тремя замками, одинъ надъ другимъ возвышающимися, представляетъ необыкновенное зрѣлище; несмотря на зной, я лазилъ на одинъ изъ крутыхъ холмовъ его, долго любовался великолѣпнѣемъ окрестностей и, наконецъ, принялся рисовать: здѣсь дол-

¹⁾ Федоръ Петровичъ Уваровъ (р. 1773 † 1824), генералъ-адъютантъ, командиръ гвардейскаго корпуса, а потомъ членъ Государственнаго Совѣта.

²⁾ Т. е. Бригу (Brig).

женъ я признаться вашему высочеству, что со вступленія моего въ Швейцарію открылась во мнѣ болѣзнь рисованья; я рисовалъ вездѣ, гдѣ только могъ присѣсть на свободѣ, и у меня теперь въ карманѣ почти всѣ озера Швейцаріи, нѣсколько долинъ и полдюжины высокихъ горъ. Но между Брюггомъ и Туртманомъ случилось со мною несчастіе, весьма чувствительное для путешественника: записная моя книжка (къ счастью, не та, которую получилъ отъ вашего высочества), въ которой замѣчалъ я на пути въ немногихъ словахъ все, что попадалось на глаза, выпала изъ коляски въ то время, какъ я зѣвалъ по окрестностямъ; я послалъ искать ее на дорогѣ, но ее не могли найти: такимъ образомъ я потерялъ весь Сенъ-Готаръ, всю Италію, весь Симплонъ и часть Валлійской долины. Пріѣхавъ на станцію, я занимался, что могъ вспомнить, но мелкія, частныя замѣчанія пропали; вѣроятно, что они и въ памяти не останутся, ибо моя память никуда не годится. На слѣдующій день обѣдалъ я въ Мартиньи и послѣ обѣда ходилъ смотрѣть великолѣпный водопадъ, находящійся между Мартиньи и С.-Морицемъ: онъ, вѣроятно, самый шумный и самый обильный водою изъ всѣхъ водопадовъ швейцарскихъ; но мнѣ показался онъ менѣе всѣхъ живописнымъ. Правда, я не могъ любоваться имъ на свободѣ. Здѣсь скажу о несчастіи, которое преслѣдуетъ всякаго путешественника по Швейцаріи: это несчастіе называется *проводникъ*. Не зная дороги, надобно имѣть проводника; но проводникъ, указавъ дорогу къ желаемому мѣсту, портитъ совершенно удовольствія, когда стоишь на мѣстѣ: какъ наслаждаться съ необходимою свободою души, когда подлѣ тебя стоятъ скучающій товарищъ, который съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ ждетъ, чтобы ты пошелъ назадъ. За то я, всякой разъ, какъ скоро могъ одинъ найти дорогу или имѣлъ карту, отсылалъ своего проводника впередъ или оставлялъ его на квартирѣ. Въ Мартиньи опять вооружился я своею альпійскою палкою и на другой день до солнца пустился въ путь: черезъ Forclas ¹⁾, Триентскую долину и крутой Col de Balme въ Шамуни. Съ Col de Balme самый лучший видъ на Монбланъ, но переходъ слишкомъ великъ и труденъ, и я не могъ прежде двухъ часовъ по полудню быть на вершинѣ: солнце между тѣмъ успѣло накопить густыхъ паровъ, и мнѣ не удалось видѣть Монблана во всей его ясности; но то, что я видѣлъ, было великолѣпно: жаль только, что усталость и зной нѣсколько испортили наслаженіе; къ этимъ двумъ бѣдамъ присоединились какія-то жадныя, злыя мухи, которыя ни минуты не давали мнѣ покоя, пока я сидѣлъ на высотѣ Col de Balme; съ него видна вся долина Шамуни, всѣ горы, ее окружающія, и надъ ними во всей огромности Монбланъ. Сначала посѣщеніе Ша-

¹⁾ Т. е. Forclaz.

муни не входило въ мой планъ; потомъ, рѣшившись взглянуть на Mont Blanc съ высоты Col de Balme, я расположился не останавливаться въ Шамуни и, переночевавъ въ долину, прямо итти въ Женеву. Это я и сдѣлалъ; но, покинувъ Шамуни, я былъ почти готовъ плакать, что не остался тамъ долѣе, дабы вполне насладиться красотами долины. Шамуни есть пѣвнительный уголокъ природы: нигдѣ нѣтъ такого слиянія великости, возвышающей мысли, съ сельскою прелестью, трогашею сердце. Ночи, которую я тамъ провелъ, никогда не забуду. Я пришелъ уже около вечера въ долину: ноги горѣли отъ усталости (болѣе десяти часовъ яряду продолжалось мое путешествіе); но все исчезло передъ тою прелестью, которую я увидѣлъ. Я легъ спать, но какой-то добрый духъ разбудилъ меня около трехъ часовъ утра: вижу, что полумѣсяцъ свѣтитъ ярко и что Mont Blanc снялъ съ себя облака; спѣшу одѣваться (послѣ я самъ хотѣлъ надѣть своимъ ночнымъ костюмомъ) и иду изъ трактира. Посреди самой долины есть церковь съ кладбищемъ; на этомъ кладбищѣ нѣсколько деревянныхъ крестовъ, и маленькая тропинка вьется между дерновыми гробами; и на одномъ изъ этихъ гробовъ просидѣлъ я до перваго луча солнечнаго — но оставляю это до подробнаго описанія! — Глупость, помѣшавшая мнѣ остаться лишній день въ Шамуни, послужила мнѣ въ пользу: я подумалъ, что отъ поспѣшности могу многое потерять въ горахъ Бернскихъ, и рѣшился пожертвовать нѣкоторую частію моего плана, дабы выиграть болѣе времени для Оберланда, рѣшился ѣхать изъ Вевѣ прямо въ Бернъ, не заѣзжая ни въ Ивердонъ, ни въ Невшатель, ни въ Биль: жалѣю, что это лишило меня счастья видѣть старика Песталоцци ¹⁾, но послѣдствіе наградило меня за это пожертвованіе. Всего имѣть невозможно. Счастье, сопутствовавшее мнѣ по Швейцаріи, было такъ постоянно, что я не смѣю роптать и на теперешнюю мою болѣзнь, которая держитъ меня теперь въ Штутгардѣ и едва ли не лишитъ Рейна. Но какъ бы то ни было, если не удастся доѣхать до Кобленца, то непременно увижу Niederwald и Rohus Carrelle ²⁾. — Изъ Шамуни шелъ я пѣшкомъ до С.-Мартеня, гдѣ сѣлъ въ *chag à banc(s)*, и въ Женеву. Вся эта дорога прелестьна, особенно живописны окрестности Клуза ³⁾ и Маглана. Сердце радуется, какъ скоро, покинувъ Савою, въѣдешь въ Женевскій кантонъ: картина дѣятельности, довольства и порядка представляется глазамъ во всей своей красотѣ. Женевы не красивый городъ, но окрестности и озеро очаровательны. Я пробылъ здѣсь три дни, изъ которыхъ одинъ посвящалъ пу-

¹⁾ Знаменитый швейцарскій педагогъ (р. 1746 † 1827).

²⁾ Т. е. Rochuscappel у Бингена.

³⁾ Т. е. Cluses.

тешествію на вершину Салева, весьма мало удачному, ибо, несмотря на то, что день былъ солнечной, вся необъятность вида, представляющагося глазамъ съ этой высоты, исчезала подъ густотою паровъ, а Монбланъ былъ совсѣмъ непримѣтенъ: въ ясное время можно видѣть отсюда все озеро до Лозанны, весь Женевскій кантонъ, большую часть горъ Савойскихъ и длинную цѣпь Юры; но я все это видѣлъ болѣе воображеніемъ, нежели глазами. — Я былъ въ замкѣ Фернеѣ, который нынче принадлежитъ гражданину Budet. Въ немъ сохранены въ прежнемъ состояніи только гостиная и спальня Вольтеровы: въ спальнѣ стоитъ кровать съ полуистлѣвшимъ занавѣсомъ, на стѣнахъ живописные портреты Фридриха II, M-e du Chattelet ¹⁾, тканый портретъ Екатерины и нѣсколько гравированныхъ; на печи стоитъ деревянная, довольно дурная урна, въ ней нѣкогда хранилось сердце Вольтерово: въ революцію его похитили, а прежняя надпись: *Son esprit est partout et son coeur est ici* ²⁾ до половины уничтожена; похитители отломали отъ начала son, а отъ конца ici, и вышла галиматья; въ гостиной, гдѣ на старинной печи стоитъ Вольтеровъ бюстъ, есть нѣсколько весьма дурныхъ картинъ, между которыми одна, изображающая Вольтеровъ апотеозъ, замѣтна своимъ уродствомъ: Вольтера встрѣчаетъ, кажется, Минерва, а враговъ его, Фрерона ³⁾ и прочихъ, сѣкутъ змѣями мстительные гении. Аллея, по которой прохаживался фернейскій пустыльникъ, и липовый лѣсокъ, имъ насажденный, сохранены въ цѣлости; надпись, сдѣланная имъ надъ входомъ построенной имъ церкви (Вольтеръ Богу), уничтожена философами революціи. Почти всѣ дома, въ Фернеѣ нынѣ существующіе, построены самимъ Вольтеромъ. Остальное время моего пребыванія въ Женевѣ посвятилъ я обзорѣнню города и Бонстеттену ⁴⁾, у котораго былъ два раза: живой, свѣжій, веселый старикъ, съ которымъ время прошло непримѣтно; онъ много рассказывалъ мнѣ о M-e Stael ⁵⁾, Миллерѣ ⁶⁾, Песталоцци и лордѣ Байронѣ, который долго жилъ въ Женевѣ нелюдимомъ. — Изъ Женевы, черезъ Лозанну, въ которой пробылъ я три дни, поѣхалъ я въ Вевѣ, гдѣ хотѣлъ отдохнуть на просторѣ, написать письма и насладиться окрест-

¹⁾ Маркиза Gabrielle-Emilie Du Châtelet (р. 1706 † 1749), писательница, извѣстная по своимъ отношеніямъ къ Вольтеру.

²⁾ Т. е. его умъ повсюду, а сердце его здѣсь.

³⁾ Féron (р. 1718 † 1778), извѣстный критикъ, враждебно относившійся къ Вольтеру и энциклопедистамъ.

⁴⁾ Карлъ-Викторъ Бонстеттенъ (р. 1745 † 1832), швейцарскій писатель, другъ историка Іоганна Миллера. Какъ извѣстно, Жуковскій въ 1810 году напечаталъ въ „Вѣстникѣ Европы“ переводъ нѣсколькихъ писемъ Іоганна Миллера къ Бонстеттену.

⁵⁾ Извѣстной писательницѣ (р. 1766 † 1817).

⁶⁾ Іоганнъ фонъ Миллеръ (р. 1752 † 1809), швейцарскомъ историкѣ.

ностями Женевского озера; но все не удалось: дожидеть, замѣтивъ, что я сижу подъ кровлею, пошелъ ливня, а письма помѣшало мнѣ писать мрачное расположеніе духа, котораго я не захотѣлъ передать бумагѣ; и я рѣшился—рисовать. Изъ окрестностей Вевѣ видѣлъ я однако Кларанъ, куда ходилъ пѣшкомъ (наканунѣ моего отъѣзда изъ Вевѣ), и эта вечерняя прогулка была, *comme de raison*, прекрасная. Можно сказать, что небо было со мною въ разговорѣ: всякой разъ, когда я покидалъ свой пріютъ, оно становилось яснымъ или покрывалось живописными облаками, отъ которыхъ зрѣлище природы становилось великолѣпнымъ. Моимъ товарищемъ до Кларана былъ старый крестьянинъ изъ *Montreux*, съ которымъ я сошелся на дорогѣ. *Probablement* (спросилъ онъ меня) *vous allez à Clarens à cause de M-r le baron d'Etange et de sa fille. Je vous montrerai la place où était autrefois leur maison. Est ce que vous avez lu cette histoire?—Oui! c'est joli comme un roman quoique tout est parfaitement vrai* ¹⁾! И онъ добродушно началъ мнѣ описывать мѣсто, гдѣ жила Жанъ-Жакова Юлія, съ полною увѣренностію, что Новая Элоиза не выдумка ²⁾.—Въ тотъ день, въ который я оставилъ Вевѣ, успѣлъ я съѣздить на лодкѣ въ замокъ Хильонъ: я плылъ туда, читая *The Prisoner of Chillon* ³⁾, и это чтеніе очаровало для воображенія моего тюрьму Бонниварову ⁴⁾, которую Байронъ вѣрно описалъ въ своей несравненной поэмѣ. Дорога отъ Вевѣ до Фрибура чрезвычайно гориста, и легко можно слетѣть въ глубокую пропасть съ повозкою и лошадью. Я не могъ порядочно осмотрѣть Фрибура: видѣлъ только каедральную церковь, самую высокую въ Швейцаріи, и Муртенскую липу, посаженную въ день побѣды надъ Карломъ Смѣлымъ ⁵⁾. Глаза мои, разболѣвшіеся отъ зноя, помѣшали мнѣ бродить по улицамъ, но свѣжесть вечера возвратила имъ здоровье, и я могъ вполнѣ насладиться окрестностями Берна, въ который пріѣхалъ довольно поздно.

¹⁾ Т. е. Вы, вѣроятно, направляетесь въ Кларанъ ради барона Этанжъ и его дочери. Я покажу вамъ мѣсто, гдѣ нѣкогда былъ ихъ домъ.— Развѣ вы читали эту исторію?—Да; это такъ же интересно, какъ романъ, хотя все это совершенная правда.

²⁾ Рѣчь идетъ о романѣ Жанъ-Жака Руссо *Julie, ou la Nouvelle Héloïse*.

³⁾ Байрона. Эту поэму Жуковскій и перевелъ въ 1821 году.

⁴⁾ Бониваръ (*Bonivard*), женевскій гражданинъ, мученикъ вѣры и патриотизма, былъ, по приказанію герцога Савойскаго Карла III, заключенъ въ Шильонскій замокъ, гдѣ онъ томился съ 1530 по 1537 годъ; его и обезсмертилъ Байронъ въ своемъ „Шильонскомъ узникѣ“.

⁵⁾ Побѣда была одержана швейцарцами 22-го іюня 1476 г. при мѣстечкѣ Муртенъ надъ Бургундскимъ герцогомъ Карломъ Смѣлымъ. Вѣсть о побѣдѣ была въ тотъ же день принесена во Фрейбургъ однимъ изъ участниковъ битвы; принесенная имъ вѣтка липы, по преданію, и была тогда же посажена во Фрейбургѣ.

Бернская природа соединяетъ въ себѣ съ удивительною обработанностию (вездѣ чувствительно изобиліе и довольство) всѣ простыя прелести сельскимъ и все великолѣпнѣе альпійское. Ни въ одномъ изъ кантоновъ, мною видѣнныхъ, не видалъ я такихъ живописныхъ крестьянскихъ домовъ, какъ въ Бернскомъ: ихъ архитектура совершенно сельская и весьма оригинальная! Чистота внѣшняя и внутренняя паѣняютъ глаза и удовлетворяютъ чувству. Въ Швейцаріи понялъ я, что поэтическія описанія блаженной сельской жизни имѣютъ смыслъ прозаически справедливыи. Въ этихъ хижинахъ обитаетъ независимость, огражденная отеческимъ правительствомъ; они живутъ не для того единственно, чтобы тяжкимъ трудомъ поддерживать физическое бытіе свое, но имѣютъ и счастье, простое, разнообразное, но счастье, то-есть свободное наслажденіе самимъ собою. Въ Бернѣ пробылъ я недолго: спѣшилъ воспользоваться временемъ, которое было прекрасное, хотя знойное. Я успѣлъ только осмотрѣть музеумъ и провести цѣлый день въ Гофвилѣ у Фелленберга ¹⁾ (я видѣлъ тамъ нашихъ Шуваловыхъ ²⁾, оба очень любезны; младшій есть графиня Катерина Петровна въ сертукѣ, съ лицомъ загорѣлымъ отъ жара). Наконецъ я въ Оберландѣ! И эта послѣдняя часть моего путешествія была самая счастливая, самая богатая живыми, чистыми наслажденіями природы. Я былъ весьма благодаренъ самому себѣ за то, что пожертвовалъ Ивердономъ и Невшателемъ: имѣя болѣе времени, я могъ вездѣ выждать благопріятной погоды. Озеро Туизъ, несравненная долина Интерлакенъ, ночь посреди горъ, подъ облачнымъ, бурнымъ небомъ, вечеръ на вершинѣ горы der Kleine Rügen въ виду ясной Юнгфрау, все путешествіе въ Лаутербрунненъ, чудесная лунная ночь въ Лаутербрунненской долинѣ и Штауббахъ, переходъ при свѣтѣ луны и при ясномъ восхожденіи солнца черезъ Wengen(alp) въ Grindelwald и видъ Jungfrau во всемъ ея величїи, долина Гриндельвальдъ и ея глетшеры, возвращеніе въ Интерлакенъ и плаваніе по Бріенцкому озеру къ Гисбаху и въ Трахтъ, вечеръ въ Бріенцѣ, переходъ въ Мейрингенъ, нѣсколько прогулокъ по несравненной долинѣ Гасли и обзорѣнїе Рейхенбаха при яркомъ солнцѣ, наконецъ путешествіе черезъ Брюнигъ въ Саксленъ ³⁾ и изъ Сакслена въ тотъ же день черезъ долину Мельхталь мимо кельи, въ которой жилъ отшельникъ Клаусъ ⁴⁾, въ Станцъ (путешествіе, продолжавшееся 12 часовъ сряду,

¹⁾ Филиппъ-Эммануилъ Фелленбергъ (Fellenberg, р. 1771 † 1844), извѣстный педагогъ, основавшій въ Гофвилѣ цѣлый рядъ воспитательныхъ заведеній.

²⁾ Братъевъ графини Екатерины Петровны Шуваловой (фрейлины великой княгини Александры Ѳеодоровны), графовъ Андрея Петровича (впослѣдствїи оберъ-гофмаршала) и Григорія Петровича.

³⁾ Т. е. Саксельнъ.

⁴⁾ Nikolaus von der Flüe († 1487), извѣстный подъ именемъ Клауса, мужъ святой жизни, память котораго весьма почитается въ сѣверной Швейцарїи.

но безъ усталости)—вотъ драгоценныя воспоминанія, которыя, какъ вы говорите, останутся сокровищемъ на цѣлую жизнь!—Дождикъ начался, когда я пришелъ (уже поздно ночью) въ Станцъ, и кончился, когда я вышелъ, чтобы сѣсть въ Станцстадъ въ лодку и плыть въ Луцернъ. И въ Луцернѣ не помѣшалъ онъ мнѣ видѣть окрестностей, и видѣть въ самомъ выгодномъ освѣщеніи: мнѣ всегда удавалось выбирать благопріятную минуту; окрестности Луцерна, можетъ быть, самыя живописныя въ Швейцаріи. Нельзя изобразить того великолѣпія, которое представляетъ хаосъ горъ, окружающихъ озеро 4 кантоновъ и видимыхъ съ луцернскаго моста: особливо при захожденіи солнца, когда снѣжныя горы сіяютъ и мало по малу гаснутъ.—Въ Люцернѣ есть теперь памятникъ, которому нѣтъ подобнаго въ огромности: въ высокой скалѣ высѣчена пещера, и въ глубинѣ ея лежитъ на щитѣ, означенномъ лиліями, умирающій левъ. Этотъ левъ ростомъ своимъ отвѣчаетъ огромному своему пьедесталу: передъ скалою прудъ, въ которомъ отражается вся эта громада. Торвальдсенъ ¹⁾ сдѣлалъ рисунокъ льва, а скульпторъ есть нѣкто Ahorn изъ Констанца. Памятникъ воздвигнуть въ честь швейцаровъ, погибшихъ въ Парижѣ 10 августа 1792 ²⁾.—Я сдержалъ обѣщаніе, данное мною Риги, и изъ Люцерна поплылъ въ Weggis откуда ведетъ весьма покойная и обильная прекрасными видами дорога на высоту горы. И въ этотъ разъ имѣлъ я нѣсколько незабвенныхъ минутъ: видѣлъ всю бездну горъ, освѣщенныхъ вечерамъ и утреннимъ солнцемъ. Я возвратился тою же дорогою, и изъ Веггиса поплылъ въ Кюсснахтъ, чтобы видѣть die Hohle Gasse, гдѣ Вильгельмъ Тель застрѣлилъ Геслера, потомъ черезъ Цугское озеро въ Цугъ, гдѣ наслаждался вѣздомъ папскаго нунція, принятаго съ пушечными выстрѣлами и съ колѣнопреклоненіемъ. Берегомъ Цириха дошелъ я только до деревни Wädenschwyl ³⁾ откуда хотѣлъ переплыть въ Rapperswyl, чтобы потомъ богатыми деревнями, лежащими на противномъ берегу озера, итти въ Цирихъ пѣшкомъ, но дождикъ, соединенный съ сильнымъ противнымъ вѣтромъ, помѣшалъ мнѣ исполнить этотъ планъ. Это было во второй разъ во все мое путешествіе. Но, потерявъ съ одной стороны, я выигралъ съ другой. Я поплылъ изъ Wädenschwyl прямо въ Цирихъ: сильный вѣтеръ и дождикъ меня преслѣдовали, но я видѣлъ удивительную картину волнующагося озера; было что-то величественное, разительно напоминающее о Провидѣніи, въ этой легкой лодкѣ, которая, несмотря на брызжущія кругомъ волны, все плыла своею дорогою, въ этихъ облакахъ, которыя сзади налетали съ дождемъ, но сквозь которыя изрѣдка проглядывало небо, и въ этомъ сильномъ вѣтрѣ, который своею

¹⁾ Знаменитый датскій скульпторъ (р. 1770 † 1844).

²⁾ При защитѣ Тюльери.

³⁾ T. e. Wädensweil.

бурею только быстрѣ мчалъ къ пристани. И не вдали отъ этой пристани все утихло, и солнце удивительно украсило и берега, и горы, и воду, и близкій, какъ будто выходящій изъ озера, Цюрихъ. Очувившись опять на томъ мѣстѣ, съ котораго за полтора мѣсяца началось мое путешествіе, столь богатое разнообразными ощущеніями, я подумалъ, что совсѣмъ не покидалъ его. Я видѣлъ прекрасный сонъ—но воспоминаніе бережетъ прошедшее. Въ Цюрихѣ простился я съ Швейцарією и поѣхалъ черезъ Эглизау въ Шафгаузенъ, чтобы взглянуть на Рейнскій водопадъ. Онъ поразилъ меня, но не плѣнилъ, какъ нѣкоторые другіе швейцарскіе водопады, гораздо болѣе живописные. Если смотрѣть на него, какъ на водопадъ, если видѣть всю полную картину паденія, то онъ не имѣетъ ничего особенно разительнаго. Спереди—онъ не иное что, какъ невысокій водяной уступъ, шумящій и плѣнный, посреда котораго чернѣетъ нѣсколько утесовъ, изрытыхъ силою воды; сверху—видишь всю рѣку, тихо идущую къ тому уступу, съ котораго она падаетъ, и сила паденія почти непримѣтна: плѣняешься блескомъ солнца на водѣ и радугою на плѣнномъ туманѣ. Но разительное, неописанное зрѣлище представляется глазамъ, когда смотришь на паденіе вблизи, съ галлерей, построенной на берегу у самаго водопада: тутъ уже нѣтъ водопада, нѣтъ картины; стоишь въ хаосѣ плѣны, грома и волнъ, не имѣющихъ никакого образа; и это зрѣлище безъ солнца еще величественнѣе, нежели при солнцѣ: лучи, освѣщая волны, даютъ имъ нѣкоторую видимую, знакомую форму; но безъ лучей все теряетъ образъ; мимо тебя летаютъ съ громомъ, свистомъ и ревомъ какіе-то необъятные призраки, которые бросаются впередъ, клубятся, вьются, поднимаются облакомъ дыма, взлетаютъ снопомъ шипящихъ водяныхъ ракетъ, одинъ другому пересѣкаютъ дорогу и, встрѣчаясь, расшибаются въ дребезги: это картина неописанная. На галлерей можно стоять безъ малѣйшей опасности, но волны такъ безпорядочны, что иногда совсѣмъ неожиданно бываешь облитъ съ головы до ногъ. Рейнской водопадъ достоинъ своей славы. Посреди самаго паденія торчатъ нѣсколько утесовъ: со временемъ они исчезнутъ; одинъ изъ нихъ такъ истертъ водами, что ему не прожить и полвѣка. На вершинѣ самаго высокаго стоитъ деревянная фигура; она была выкрашена, но краску смыло водою; осталась одна надпись: *Deus mea spes!* Богъ моя надежда! Мысль прекрасная! Въ маленькомъ замкѣ Wörth можно видѣть весь водопадъ въ камеробскурѣ: на бумагѣ представляется все паденіе, вода волнуется, солнце свѣтитъ и исчезаетъ, вѣтеръ разноситъ брызги, и слышный не вдали шумъ довершаетъ очарованіе.—Изъ Шафгаузена, черезъ Тютлингенъ ¹⁾, Nehingen ²⁾ и Tübingen, поѣхалъ

¹⁾ Т. е. Tuttlingen, городъ въ Виртембергѣ.

²⁾ Т. е. Nechingen.

я въ Штутгардъ. Сначала я хотѣлъ ѣхать черезъ Страсбургъ, Раштатъ и Баденъ, но краткость времени заставила меня перемѣнить этотъ планъ. Близъ Хехингена я свернулъ съ дороги и, отпустивъ свою коляску на почту, отправился къ развалинамъ замка Гогенцоллерна. Положеніе его чрезвычайно величественное: онъ стоитъ на высокой горѣ, отъ всѣхъ другихъ отдѣлившейся, и какъ будто царствуетъ надъ амфитеатромъ горъ, которыя позади его ограничиваютъ необъятную равнину. Страшный вѣтеръ бушевалъ, когда я взлѣзъ на крутизну горы, покрытой мелкими, безпрестанно осыпающимися камнями; деревянная рѣшетка на воротахъ замка поднята; всѣ стѣны болѣе или менѣе разрушены; но церковь уцѣлѣла, и въ одной огромной палатѣ хранится множество желѣзныхъ, покрытыхъ ржавчиною латъ; на дворѣ, заросшемъ высокою травкою, стоитъ уединенно старая липа, можетъ быть, выдавшаяся подъ тѣнью своею древнихъ обитателей замка. Было что-то уныло-величественное въ мертвой его пустотѣ, въ горномъ его одиночествѣ и въ свистѣ вѣтра, который, летая кругомъ, какъ будто ображалъ могущее время, разрушившее эти стѣны.—Въ Штутгардѣ я успѣлъ видѣть ту церковь, въ которой молилась наша Екатерина ¹⁾: кресла ея стоятъ еще на своемъ мѣстѣ; я долго, съ грустнымъ чувствомъ, смотрѣлъ на тотъ образъ, которымъ въ послѣдній разъ благословилъ ее государь: на немъ изображенъ Александръ Невскій; видны Нева, Зимній дворецъ и надъ ними радуга, прекрасное, но минутное явленіе неба. Я видѣлъ и прелестныхъ ея дѣтей: когда я къ нимъ пришелъ, то онѣ играли вмѣстѣ на коврѣ. Старшая, принцесса Марія, долго дичилась и смотрѣла на меня вкось, прижавшись къ графинѣ Берольдингенъ, а младшая, принцесса Софія, скоро ко мнѣ подошла и разомъ нѣсколько вопросовъ: *Was macht die Grossmutter Kaiserin, die Tante Kaiserin, der Onkel Kaiser, die Tante Nicolas?* Это ободрило и другую. Ей сказали, что я былъ въ Швейцаріи, и она начала у меня спрашивать: видѣлъ ли я медвѣдей и волковъ. И я ей рассказалъ, какъ я кормилъ въ Бернѣ пряниками медвѣдей и какъ видѣлъ чучелу огромнаго волка. Принцесса Софія никакъ не можетъ забыть того уса, который приклеилъ ей *der Onkel Nicolas*, и никакъ не соглашается его простить. Когда я сталъ имъ откланиваться, то обѣ въ одинъ голосъ твердили: *Grüssen sie die Grossmutter Marie, die Tante Kaiserin, den Onkel Kaiser*. Прелестныя дѣти! Полныя умнаго выраженія лица! Очень было мило ихъ видѣть играющихъ на коврѣ, въ бѣленькихъ платьцахъ, съ свѣтлыми клубящимися волосами; обѣ очень живы; на лицахъ написано здоровье! Я былъ у нихъ два раза; въ послѣдній разъ засталъ ихъ за важнымъ дѣломъ: обѣ сидѣли за малень-

¹⁾ Королева Виртембергская Екатерина Павловна (р. 1788 † 1819).

кимъ столикомъ, одна противъ другой, и передъ каждою стояла тарелка винограда. Когда надобно было простаться и сказать мнѣ: grüssen Sie die Grossmutter Kaiserin, то графиня Берольдингенъ напомнила имъ, что это надобно говорить, стоя. Старшая, которой жаль было своего винограда, сначала заупрямилась и не хотѣла встать, но младшая тотчасъ встала; этотъ примѣръ подѣйствовалъ и на другую, и обѣ очень мило прошептали поклонъ свой государынѣ. Былъ разговоръ и объ усѣ, и великій князь наконецъ получилъ свое прощеніе. О картинахъ Буассере ¹⁾, которыя видѣлъ я съ большимъ наслажденіемъ, и о работахъ Даннекера ²⁾, съ которыми мы довольно подружились, представлю вашему высочеству свой отчетъ въ надлежащее время. Это письмо, какъ оно ни длинно, есть не иное что, какъ одинъ сапевас; предвижу, что будетъ еще нѣсколько № Лалла Рукъ или Для немногихъ ³⁾.—Моя болѣзнь, которая, кажется, со мною разсталась, лишила меня окрестностей Штутгарда, я не видалъ ни Solitude, ни Канштата; не могъ осмотрѣть и благодѣтельныхъ заведеній покойной королевы: десять дней не выходилъ я изъ горницы! Нынче въ первый разъ позволилъ я себѣ сдѣлать большую прогулку: утро посвятилъ галереѣ Буассере, которую осматривалъ вмѣстѣ съ Даннекеромъ, а послѣ обѣда путешествію на Rothenberg: это высокій холмъ, на которомъ находился прародительскій замокъ фамиліи Виртембергской; онъ разрушился, и мѣсто его развалинъ займетъ теперь зданіе, столь же разительно напоминающее о непрочности великаго и прекраснаго, церковь, въ которую будутъ перенесены остатки нашей Екатерины. Прекрасная ротонда съ четырьмя порталами. Я видѣлъ мѣсто, на которомъ будетъ стоять гробъ. Какой прекрасный и трогательный памятникъ! Съ порога этой надгробной церкви восхитительный видъ на живую природу.

¹⁾ См. выше, стр. 337.

²⁾ Извѣстный скульпторъ Іоганнъ - Генрихъ Даннекеръ (Dannecker р. 1758 † 1841).

³⁾ „Для немногихъ“—сборникъ произведеній Жуковского, изданный имъ въ шести небольшихъ книжечкахъ, въ 1818 году, въ Москвѣ. Изданіе это предназначалось главнымъ образомъ для великой княгини Александры Ѳеодоровны и печаталось въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. „Лалла Рукъ“—рукописный журналъ Жуковского, тоже, по всему вѣроятію, предназначавшійся для великой княгини Александры Ѳеодоровны и относящійся ко времени его пребыванія въ Берлинѣ въ 1821 году. Въ собраніи автографовъ Императорской Публичной Библиотеки хранится № 2 этого журнала „Лалла Рукъ“ (въ 8-ю д. л., 27 листовъ); на заглавномъ листѣ стоитъ помѣта: „1821, апрѣль. Берлинъ (въ концѣ нумера находится помѣта: Берлинъ 3-го апрѣля 1821). Этотъ второй номеръ „Лалла Рукъ“ заключаетъ въ себѣ набѣло переписанный переводъ Жуковского „Орлеанской Дѣвы“ (съ 3-го явленія IV-го дѣйствія до конца драмы).

19 октября.

Я покинулъ Штутгардъ и теперь въ Франкфуртѣ ¹⁾. Это письмо ваше высочество получите не задолго до моего возвращенія. Я осмѣлюсь исполнѣ воспользоваться вашею милостію и употреблю дни четыре лишнихъ на то, чтобы взглянуть на Рейнъ, хотя не надѣюсь увидѣть его во всей красотѣ: время нахмурилось, и осенніе туманы одолѣли солнце. Потомъ прямо въ Берлинъ черезъ Веймаръ и Дессау. Въ Веймарѣ надобно будетъ пробыть дни два, въ Дессау день, въ Берлинѣ... сколько, не знаю, но какъ можно менѣе. Прошу напередъ у вашего высочества позволенія остановиться на нѣсколько дней въ Дерптѣ у моихъ родныхъ ²⁾, съ которыми давно не видался и надолго долженъ буду разстаться. Объ остальномъ моемъ путешествіи представляю вашему высочеству отчетъ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ. Я имѣлъ счастье слышать здѣсь отъ барона Анштета ³⁾, что путешествіе и воды сдѣлали большое добро здоровью вашего высочества. Итакъ gewissenhaft ⁴⁾ не пустое слово! Дай Богъ! Дай Богъ, чтобы вы имѣли все то счастье, котораго достойны! Этимъ драгоценнымъ для меня желаніемъ заключаю длинную письмо мое.

Государю великому князю приношу глубочайшее мое почтеніе.

Съ чувствомъ привязанности, благодарности и неограниченнаго почтенія честь имѣю быть вашего императорскаго высочества покорнѣйшимъ слугою Жуковскій.

5.

1 (13) ноября 1821, Берлинъ.

Я имѣлъ честь писать къ вашему императорскому высочеству изъ Штутгарда, гдѣ пробылъ двѣ недѣли больноі; но письмо мое лежитъ во Франкфуртѣ на Майнѣ въ ожиданіи курьера. А я уже въ Берлинѣ, четвертый день ⁵⁾, но еще не видалъ никого, потому что путешествіе опять меня разстроило и болѣзнь принудила всѣ эти четыре дня про-

¹⁾ Во Франкфуртѣ на Майнѣ Жуковскій пріѣхалъ ночью 6-го (18-го) октября.

²⁾ Въ Дерптѣ жила сестра Жуковскаго Е. А. Протасова и ея дочь, Марья Андреевна Моберъ. На возвратномъ пути въ Петербургъ Жуковскій провелъ тамъ семь дней, съ 29-го января по 4-е февраля 1822 года.

³⁾ Нашего посланника во Франкфуртѣ на Майнѣ, барона Ивана Осиповича Анштета.

⁴⁾ Т. е. добросовѣстно. Ср. „Русскую Старину“ 1901 г., октябрь, стр. 223.

⁵⁾ Въ Берлинѣ Жуковскій пріѣхалъ, какъ видно изъ его дневника, вечеромъ 7-го ноября н. ст.

сидѣть дома. Завтра надѣюсь выйти изъ своего заточенія, но считаю себя принужденнымъ пробыть не менѣе двухъ недѣль въ Берлинѣ ¹⁾, чтобы совершенно оправиться, и напередъ прошу у вашего императорскаго высочества милостиваго на это позволенія. Остальная дорога до Россіи довольно затруднительна для больного, и какъ ни сильно мое нетерпѣніе опять быть при вашемъ высочествѣ и снова заняться своею драгоцѣнною должностію, но предвижу, что мое путешествіе можетъ продолжаться долѣе, нежели сколько бы я желалъ.

Во франкфуртскомъ моемъ письмѣ описано вкратцѣ мое путешествіе по Швейцаріи. На Рейнъ я только что взглянулъ; краткость времени не позволила мнѣ нигдѣ остановиться, и я все видѣлъ мелькомъ. Изъ Франкфурта поѣхалъ я черезъ Висбаденъ въ Рюдесгеймъ откуда пѣшкомъ черезъ Niederwald въ Асмансгаузенъ, потомъ водою до Кобленца, а изъ Кобленца берегомъ назадъ въ Бингенъ и потомъ мимо Rohus Capelle ²⁾, черезъ Nieder-Ingelheim и Майнцъ, въ Франкфуртъ. Я видѣлъ прекрасно Niederwald и Rohus Capelle; но плаваніе по Рейну было не такъ удачно: пасмурная осенняя погода затуманила для меня красоту рейнскихъ береговъ. Но я не раскаиваюсь, что ихъ видѣлъ: они прекрасны и послѣ Швейцаріи. Изъ Франкфурта черезъ Веймаръ и Лейпцигъ поѣхалъ я въ Дрезденъ. Отъ спѣху не могъ пробыть въ Веймарѣ болѣе одного дня; тамъ имѣлъ счастье представиться ея императорскому высочеству великой княгинѣ Маріи Павловнѣ ³⁾, которая приняла меня съ очаровательною милостию, и ея же милости обязанъ я свиданіемъ съ Гёте; онъ находился въ Іенѣ, и, чтобы я имѣлъ время къ нему съѣздить, ея высочеству угодно было прислать мнѣ коляску, и я въ тотъ же день видѣлъ поэта ⁴⁾. Но свиданіе мое съ нимъ было похоже на плаваніе мое по Рейну; оно было туманное, хотя онъ принялъ меня съ ласкою.—Прошу у вашего императорскаго высочества прощенія, что я не заѣхалъ въ Дессау. Въ Дрезденѣ находился больнымъ одинъ изъ моихъ короткихъ друзей ⁵⁾, съ кото-

¹⁾ На самомъ дѣлѣ Жуковскій прожилъ въ Берлинѣ съ небольшимъ два мѣсяца; онъ покинулъ Берлинъ 12-го (24-го) января 1822 года, какъ видно изъ его дневника.

²⁾ Т. е. Rochuscappelle.

³⁾ Герцогинѣ Саксенъ-Веймарской.

⁴⁾ Свиданіе Жуковскаго съ Гёте происходило 17-го (29-го) октября. См. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 167.

⁵⁾ К. Н. Батюшковъ, уже тогда начинавшій страдать психическимъ разстройствомъ. Съ Батюшковымъ Жуковскій видѣлся 2-го и 4-го ноября н. с. 1821 г. (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 168). Въ послѣдній разъ они видѣлись въ Петербургѣ передъ отъѣздомъ Батюшкова за границу въ концѣ ноября 1818 г. Послѣ свиданія Жуковскій увидѣлъ Батюшкова, уже совсѣмъ

рымъ я нѣсколько лѣтъ не видался и котораго, вѣроятно, нѣсколько лѣтъ не увижу: я не могъ отказаться отъ свиданія съ нимъ; а теперь доволенъ этимъ путешествіемъ въ Дрезденъ и по другимъ обстоятельствамъ, о которыхъ буду имѣть честь говорить лично съ вашимъ высочествомъ. Въ Дрезденѣ кончилось мое счастье, дотошнѣ невѣроятно постоянное; вплоть до Берлина преслѣдовала меня холодная, дождливая погода, и ей обязанъ я возобновеніемъ своей болѣзни. Завтра однако надѣюсь вытти и имѣть счастье представиться его величеству королю. О моихъ берлинскихъ приключеніяхъ буду имѣть честь представить словесный отчетъ вашему императорскому высочеству. Нетерпѣливо жду минуты, въ которую буду имѣть это счастье.

Его императорскому высочеству государю великому князю приношу мое глубочайшее почтеніе.

Съ неограниченнымъ, глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть вашего императорскаго высочества покорнѣйшимъ слугою Жуковскій.

Сообщилъ И. А. Вычковъ.

большого, въ 1823 г. въ Петербургѣ (см. біографію Батюшкова, написанную Л. Н. Майковымъ и помѣщенную въ началѣ I тома Сочиненій К. Н. Батюшкова, Сиб. 1887, стр. 269 и 298—300).